

КНИЖКА
ВЕЛЕМБОРСКАЯ

НЕМЦЫ

Руки и ноги, в штык, в штык, в штык, в штык, в штык,
которые не могли быть обнаружены при жёстком допросе,
в советской армии.

Ирина Велембовская

Немцы

Текст предоставлен издательством «АСТ»

<https://litres.ru/2545485>

Ирина Велембовская. Немцы: АСТ, Астрель; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-070093-6, 978-5-271-30785-0

Аннотация

<р>Ирина Велембовская – автор популярнейших романов о женских судьбах – «Сладкая женщина», «За каменной стеной», «Дела семейные». Роман «Немцы» совсем из «другого теста», хотя тоже о любви – запретной, той, что не должно быть, потому что идет война, и герой – немец, «остарбайтер», угнанный вместе со своими соотечественниками в начале 1945 года в СССР из Восточной Германии на далекий Урал. Роман написан И. Велембовской по свежим следам собственной драматической судьбы – ведь она, дочь репрессированного, работала на лесоповале рядом со своими героями. Надо ли говорить, что сочинение это не могло быть опубликовано при жизни автора, оказалось «непроходным» в первую «оттепель» и лишь в 2002 году выпущено небольшим тиражом.**</р>** **<р>**По сути, перед нами первая полноценная публикация романа.**</р>**

Содержание

О романе «Немцы» и его авторе	4
1	18
2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ирина Велембовская

Немцы

О романе «Немцы» и его авторе

Предисловие ко второму изданию

У этого романа, так же как у его автора, очень трудная судьба. Хотя «Немцы» – роман прежде всего о любви, события, в нем описанные, необычны, незнакомы читателю и уж никак не могли быть обнародованы при жизни автора, в советское время.

Главные его герои – немцы из Баната (исторической местности в западной части Румынии), мирные жители, мужчины и женщины, которые были интернированы, а проще говоря, угнаны на работу в СССР в конце Второй мировой войны.

С тех пор прошло более шести десятилетий, однако и сегодня об этих событиях мало кто знает, поскольку сам факт интернирования немцев из Восточной Европы в СССР у нас очень долго замалчивался. Первые работы ученых-историков на эту тему появились в России лишь в середине девяностых годов, но, как исследования сугубо научные, они не стали достоянием широкой публики, тем более что к тому времени читатель уже успел порядочно устать от потока кри-

тики и разоблачений сталинского режима. Тем не менее, работа в этом направлении продолжалась, и благодаря опубликованным в последние пятнадцать лет исследованиям и рассекреченным материалам правдивость описанных в романе «Немцы» событий можно подтвердить документально.

Теперь уже известно, что планы советского руководства по использованию мирного немецкого населения для восстановления разрушенного в СССР войной хозяйства начали реализовываться, как только Красная Армия вступила на территорию Восточной Европы. А 16 декабря 1944 года Государственный Комитет Обороны издал секретное Постановление № 7161сс: «Мобилизовать и интернировать с направлением для работы в СССР всех трудоспособных немцев в возрасте – мужчин от 17 до 45 лет, женщин – от 18 до 30 лет, находящихся на освобожденных Красной Армией территориях Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии. Установить, что мобилизации подлежат немцы как немецкого и венгерского подданства, так и немцы – подданные Румынии, Югославии, Болгарии и Чехословакии... Руководство мобилизацией возложить на НКВД СССР (т. Берия)». Вскоре усилиями НКВД и отрядов СМЕРШ возникла целая армия бесправных, обездоленных «остарбайтеров», виновных лишь в том, что они – немцы. Как и советских зеков, их заключили в лагеря, они работали на каменоломнях, в шахтах, рубили лес.

История пребывания «остарбайтеров» в маленьком

уральском поселке и легла в основу романа Ирины Велембовской, которая работала вместе с интернированными немцами на лесоповале в тайге, оказавшись там тоже не по своей воле...

Писать о близком человеке всегда сложно. Но, к сожалению, моя мать – писательница Ирина Александровна Велембовская – дневников никогда не вела, ни мемуаров, ни письменных воспоминаний не оставила. Впрочем, это вполне укладывалось в ее характер: она была человеком скромным и достаточно самоироничным, что, пожалуй, и составляло суть ее обаяния. Жизнь, которую она прожила, сама по себе могла бы стать материалом для романа.

Ирина Александровна родилась 24 февраля 1922 года в Москве, в самом центре – в Брюсовском переулке, в доме 2/1 (который тогда еще называли «чернопятковским» по фамилии бывшего хозяина). Родители ее обвенчались в самом начале двадцатого века. Отец, Александр Александрович Шухгальтер, по образованию был юристом, выпускником Московского университета. Мать, Анна Игнатьевна, урожденная Фиделли, тоже была женщиной образованной, с дворянскими корнями, отлично знала несколько европейских языков и до глубокой старости не утратила интерес к их изучению. Поженились они совсем молодыми, жили дружно – оба увлекались книгами и революционными идеями, особенно в преддверии Первой русской революции. Александр Александрович даже проходил по делу Баумана, за что был аре-

стован и отсидел в тюрьме месяца два-три. После революции 1905 года он заведовал магазином «Образование» на Кузнецком Мосту. Об этом сохранилось свидетельство ставшего впоследствии известным писателем и знаменитым книголюбом Владимира Германовича Лидина, который мальчиком приходил к А.А. в магазин и позже в своей книге «Друзья мои – книги» писал, что своей увлеченностью книгами он во многом обязан и Александру Александровичу Шухгальтеру.

Году в девятом-десятом А.А. стал юрисконсультутом в издательстве у Сытина, понемножку разбогател, купил семикомнатную квартиру в только что отстроенном доме в Брюсовском переулке, двухэтажную дачу в Медведкове (на ее месте сейчас стоит двадцатая больница). Анна Игнатьевна тоже «обуржуазилась»: завела горничную, кухарку, стала ездить в Париж и оттуда привезла француженку для своих дочерей – их к тому времени было уже четверо. Ну и, конечно, она собирала домашнюю библиотеку, редкие издания, заказывала для обожаемых ею книг роскошные переплеты – кожаные, бархатные, ситцевые. Старшие дочери учились в одной из лучших в Москве Елизаветинской женской гимназии в Большом Казарменном переулке.

Младшие дочери – близнецы Галя и Ира, – родившиеся после Октябрьской революции, росли, естественно, уже в других условиях, хотя дома еще сохранялась прекрасная библиотека, девочек водили на премьеры в театры, на детские утренники, на концерты, в гостях у родителей собира-

лись известные певцы, актеры: жившие по соседству Барсова, Нежданова, Охлопков, Мейерхольд, Голованов и многие другие. Александра Александровича знала вся театральная Москва – он организовывал театральное-концертное вещание в Радиокomitee, который находился тогда на Тверской, в здании нынешнего Центрального телеграфа, и на общественных началах был юрисконсульту Театрального общества. Позже А.А. заведовал книжным отделом Дома ученых. Анна Игнатьевна в двадцатые-тридцатые годы служила заведующей библиотекой на Петровских линиях.

Ира уже в пять лет научилась хорошо читать, читала за поем и потом говорила: «Все, что я прочла в детстве, я запомнила на всю жизнь». При этом она немножко лукавила: память у нее всегда была феноменальная, настоящая «писательская». Благодаря удивительной памяти на детали и чувству юмора она была прекрасной рассказчицей. Например, рассказывала нам, как в детстве побывала в гостях у Горького на даче. Случилось это, скорее всего, в 1932 году. Лето семья теперь проводила в деревне: свою дачу в Медведкове Александр Александрович в 1914 году отдал под госпиталь. Неподалеку, в Горках, за глухим забором, под охраной, жил Максим Горький. Анна Игнатьевна написала ему письмо: мол, дорогой Алексей Максимович, очень уж деревенские ребята хотят познакомиться с великим пролетарским писателем. Через несколько дней от Горького прибыл военный и велел ребятам завтра с утра приходиться на

дачу к Алексею Максимовичу. На следующий день человек десять детей, нарвав в поле ромашек и васильков, отправились в гости к классику. Увидев их, босых, в плохонькой одежке, Горький прослезился. А обалдевшая ребятня, открыв рты от изумления, смотрела на диковинные растения в саду, на скачущих повсюду маленьких обезьян, на приготовленное на огромном столе невиданное угощение – конфеты, фрукты, пирожные. Годы-то уже были голодные. Сколько могли, съели, оставшееся горничные завернули и дали детям с собой. Потом Горький спросил, какие его книги они читали. Деревенские детишки смущенно молчали, а Ира отрапортовала: «Детство», «В людях», «Песня о Буревестнике», «Егор Булычев и другие» и т. д. и т. п. «Ну, хватит, хватит, мать-командирша!» – остановил он ее и снова стер слезу со щеки.

Поход к Горькому мама запомнила в мельчайших подробностях и через много-много лет рассказывала о нем так, как будто это происходило вчера: вспоминала и красавицу-невестку Горького Тимошу, и его маленьких внучек с рыжеволосой нянькой Липой, и приехавшего на дачу к Горькому играть в карты начальника ОГПУ Ягоду.

13 июня 1938 года Александра Александровича арестовали. По пятьдесят восьмой статье. За критику действий партии и правительства. Видимо, он слишком громко сокрушался по поводу того, что вырубают Садовое кольцо и московским детям теперь негде будет гулять. Было ему в ту пору почти шестьдесят лет. Следующие девять лет он провел в

воркутинском лагерь, а потом еще долго не имел права жить в Москве и мыкался по чужим углам то в Александрове – вечном городе ссыльных, то в Калязине, то еще бог знает где. До недавнего времени в нашей семье считалось, что на А.А. донесли соседи – его квартира стала коммунальной. Однако личное дело деда, обнаруженное в 2009 году в Государственном архиве РФ свидетельствует, что дать против него показания их вынудили. Правда, даже в те страшные времена среди соседей деда нашелся человек по имени Николай Вялкин, который фактически отказался сотрудничать со следствием, сославшись на то, что давным-давно в ссоре с А.А., никогда с ним не общается и потому ничего не слышал, хотя в действительности их связывали самые добрые отношения. После ареста мужа Анну Игнатьевну тут же уволили из ее любимой библиотеки, а Ирина вынуждена была бросить школу и пойти работать.

Как только в июне сорок первого началась война, она сразу же записалась на курсы медсестер, чтобы попасть на фронт. Но пока что девочкам выдали оружие и поставили охранять склад, а оттуда в первую же ночь пропало несколько пар валенок. Девчонок судили по законам военного времени и посадили в тюрьму. Что случилось с другими девушками, Ирина не знала, а ее прогнали по этапу на Урал. Так началась ее уральская эпопея.

Без пальто, в рваных туфлях, она вышла на двадцатиградусный мороз из уральской тюрьмы в ноябре 1941 года. Шла

– и падала, полностью истощенная, перенесшая цингу. И куда было идти? Так и замерзла бы на дороге, если бы из окошка местной школы ее не заметила молоденькая учительница Тамара Баранова. Выскочив на улицу, она подхватила Ирину и привела к себе домой. Здесь Ирину отогрели, накормили, хотя Тамара с матерью и сами жили небогато. Дали ей оставшийся еще от Тамариного дедушки старый тулуп и валенки. В этом «дедушкином» тулупе Ирина проходила долго. А с Тamarой, которая после войны вышла замуж и стала Пуत्याтиной, она поддерживала дружеские отношения и переписывалась до последних дней жизни. И именем Тамара назвала героинь нескольких своих произведений.

Ее жизнь на Урале оказалась очень тяжелой: сначала она работала на драге на реке Ис – возила на лошади воду, потом на заводе, в горячем цеху, где толкала вагонетки с углем и шлаком, а позже – на лесоповале. Весной за ведро картошки копала огороды, летом косила сено, осенью нанималась копать эту самую картошку. В феврале сорок пятого года в поселок Нижняя Тура привезли партию интернированных немцев из Баната. Вместе с ними Ирина как вольнонаемная работала в тайге на заготовке дров. С первых дней она, и сама обездоленная, прониклась к немцам симпатией, жалела этих людей, не привыкших к страшным холодам (зимой, случалось, морозы доходили до пятидесяти градусов, да и лето иногда начиналось не раньше середины июня, а в августе снова сыпал снег), к тяжелой физической работе, го-

лоду, к чему она сама уже сумела приспособиться. Правда, народ на Урале в войну так не голодал, как, скажем, в западной части России. Здесь были крепкие избы, дворы, огороды, в тайге водился зверь, в реке ловилась рыба, летом собирали ягоды, грибы, держали скотину. А вот чужакам – сосланным, эвакуированным, выселенным, а таких тут было полным-полно, – приходилось трудно. Немцев уральцы встретили настороженно, но с интересом: очень уж они отличались от русских – обликом, вежливыми манерами, хорошей одеждой. Сразу было видно, что в своей Румынии они жили не тужили. Удивляло и их умельство: женщины прекрасно вязали, шили, мужчины в своей специальности были мастерами, почти все немцы играли на каких-нибудь музыкальных инструментах, прекрасно пели хором протяжные народные песни. Только вот лес валить не умели.

Ирина быстро вспомнила немецкий, который учила в школе, хотя язык немцев из Баната – это лишь один из множества немецких диалектов, сильно отличающийся от литературного берлинского. Словом, сдружилась она с немцами, а потом и влюбилась в одного из них... В 1946 году большинство немцев отправили на родину.

В конце того же, сорок шестого года за Ириной на Урал приехал отец, сам только что вышедший из лагеря. Отпустить ее не хотели, документов никаких не давали, но уехать все же удалось. Приехали в Москву. Однако и ей, и отцу жить в столице было запрещено. Да и жить-то, по правде сказать,

было негде – квартира в Брюсовском была заполнена до отказа: сестры с мужьями и детьми, соседи. Приютила Ирину старшая сестра Ольга, которая вместе с мужем жила за городом, в Красной Сосне. Оба работали в школе, туда же с трудом устроили дворником и Ирину. Потом Ирина Александровна работала на мебельной фабрике (отсюда – повесть «Женщины»), нянечкой в яслях, на фабрике игрушек, бухгалтером, библиотекарем. Закончила экстерном вечернюю школу, стала писать рассказы, начала роман «Немцы» и в 1957 году поступила в Литературный институт им. Горького. Училась она на курсе у В.Г. Лидина, того самого, который в детстве ходил к ее отцу в книжный магазин «Образование».

Отец, к счастью, к этому времени был реабилитирован, за участие в революции 1905 года ему присвоили звание «старый большевик», дали персональную пенсию. Но в «большевиках» дед пробыл недолго – умер вскоре от сердечного приступа.

В 1961 году Ирина Александровна опубликовала свои первые рассказы в журнале «Знамя». Потом появилась повесть «Женщины», и пришел успех: звонили и с телевидения, и с киностудий, и завлиты из театров – все интересовались автором и возможностью экранизации повести. Сотрудники «Знамени», где в то время она работала, шутили: «Ира, иди, там из цирка звонят, хотят твоих “Женщин” поставить!» Фильм, снятый молодым талантливым режиссером Павлом Любимовым, стал большой удачей для всех: сце-

нариста, режиссера, актеров. С многими из них Ирина Александровна подружилась, особенно с Н.А. Сазоновой и Н.К. Федосовой. Надежда Капитоновна Федосова (грозная Аникина из герасимовского «Журналиста», жестокая мещанка из фильма Райзмана «А если это любовь?») и – лучшая ее роль в кино – мать из «У твоего порога» Ордынского) оказалась не только замечательной актрисой, но и добросердечным, мудрым, милым человеком, и они подружили всю жизнь.

Удивительно, но почти все, с кем Ирину Александровну сводили жизнь и творческие интересы, становились ее друзьями, которых она обожала, готова была прийти им на помощь в любую минуту, с ними ей всегда было тепло. И ей отвечали взаимностью. Судьба подарила ей встречу с прекрасными редакторами: в «Знамени» – с Софьей Дмитриевной Разумовской, в издательстве «Советский писатель» – с Дианой Варткесовной Тевекелян. Хороший редактор для автора – это как мать родная, конечно, если автор хочет и умеет прислушиваться к замечаниям. И на «Ленфильме», где снимались «Сладкая женщина», «Молодая жена», «Варварин день», был замечательный редактор – Галина Львовна Попова, тоже ставшая для Ирины Александровны близким другом.

Печатали И. Велембовскую немного – книжечки были тоненькими, переизданий не давали, только в 1988 году вышел солидный томик ее повестей «Сладкая женщина». Работать

ей и в литературе, и в кино было непросто: вечные цензурные придирки по мелочам, упреки в отсутствии производственной темы, в слишком большой погруженности ее героев в свои личные проблемы. А она была не борец, не член партии, не ветеран войны, переживала ужасно, когда резали по живому ее текст или коверкали в кино сценарий, но спасали неиссякаемый редкостный оптимизм, чувство юмора. Бывало, вернется со студии чуть не в слезах – от глупости, бездарности, непонимания, а порой и хамства, на что киношники большие мастера, а потом переведет дух, начинает рассказывать в лицах, и всегда выйдет как-то смешно и вроде уже и необидно. Многими своими фильмами она была недовольна, считая их упрощенным вариантом ею написанного, но кино – дело коллективное, и главная фигура там режиссер, а не сценарист. Однако именно благодаря кино появилась известность. Хотя зрители, как правило, не помнили фамилии сценариста, стоило произнести «Женщины» или «Сладкая женщина», как сразу же люди начинали улыбаться и кивать головой.

Между тем, повести И. Велембовской стали публиковать в других странах: в Германии, Польше, Чехословакии, Венгрии, США, а «Сладкая женщина» вышла даже в Китае. «Зарубежных» книг у нее было значительно больше, чем изданных на родине. Там производственная тема, видимо, меньше волновала редакторов и читателей.

Но кроме творческой была у Ирины Александровны еще

и другая жизнь – дом, семья, друзья, книги. Она прекрасно знала историю, географию, не говоря уже о литературе, которая всегда была культом в нашем доме. Тем не менее, она никогда не кичилась своими знаниями, никогда не изображала из себя «известную писательницу». Любила жить в деревне, ходить в лес по грибы, косить сено, копать в саду. И все умела – могла построить сарай, вырастить невиданный урожай, закатать за вечер десять банок огурцов. Наш дом всегда был полон гостей – родственников, близких, друзей. Всех она привечала, поила, кормила, любила красивое застолье: с хорошей сервировкой, пышными пирогами. «Самый вкусный московский дом», – писал о нашем доме Даниил Данин, автор знаменитой «Неизбежности странного мира», серьезных книг о великих физиках, а в жизни – большой шутник и каламбурист.

Неожиданная и очень страшная болезнь, а потом и смерть Ирины Александровны стали для нашей семьи трагедией. Это случилось весной 1990 года, вскоре после ее шестьдесят восьмого дня рождения...

Роман «Немцы», написанный в конце пятидесятых на волне хрущевской оттепели, – это ее молодость, ее любовь, ее боль. Ирина Александровна несколько раз пыталась опубликовать роман, но в течение долгих лет ей в журналах и издательствах отвечали: «Забудьте о своем романе, такой темы в советской литературе не было, нет и никогда не будет!» После смерти Ирины Александровны мы долго не могли ре-

шиться разобрать ее небольшой архив (она никогда не хранила ничего лишнего, выбрасывая даже то, что следовало бы сохранить), а когда разобрали, то выяснилось – среди ее архива «Немцев» нет. И мы решили, что она уничтожила рукопись... Но рукописи, как известно, не горят.

Ксения Велембовская

1

В вагоне было почти темно. Свет сочился лишь сквозь узкую щель над дверью, под самой крышей, да на пол падали легкие блики от тлевших в чугунной печурке углей. В темноте едва можно было различить закутанные в одеяла фигуры людей, тесно лежавших на двухэтажных нарах.

С верхних нар ловко слез молодой мужчина, подсел к печке и открыл дверцу. Осветилось худощавое, красивое, но небритое лицо. Он достал папиросы и закурил. Курил и грелся – за ночь вагон совсем выстудило. Затушив папиросу, принялся подкладывать в печь щепки из стоявшего рядом ящика. Когда в печке загудело и заплясало яркое пламя, положил туда несколько кусков каменного угля и закрыл дверцу. Снова закурил и сел на ящик около печки.

– Майн готт, опять Штребль дымит! – раздался ворчливый голос с нижних нар. – Он, видно, хочет, чтобы мы все задохнулись в этом проклятом вагоне!

Штребль не ответил и снова с наслаждением затянулся.

– Пора вставать! – крикнул он, поднимаясь наконец и бросая окурки. – Уже девятый час. Наверное, скоро станция. Мы всю ночь ехали не останавливаясь.

На нарах началось движение. Кое-кто, высунув нос из-под одеяла и почувствовав, как холодно, снова юркнул обратно. Остальные кряхтя поднимались и натягивали верхнюю одеж-

ду.

Штребль полез наверх. В потемках задел соседа, и опять послышалось ворчание.

– Пора бы вам и проснуться, – заметил он. – Подвинь-тесь-ка, Бер. Я возьму свою куртку.

Толстяк Бер нехотя подвинулся. Только было он устроился поудобнее со своим огромным животом и задремал, как опять его разбудили. Бер вздохнул и приподнялся. Вот уже два с лишним месяца он мучился в этом вагоне, однако почти не похудел, хотя плохо спал и сильно тосковал по дому.

– Как велика Россия... – жалобно произнес он, – везут-везут, а конца не видно. Из Румынии выехали – тепло было, а теперь прямо душа трясется от холода.

Угли в печке разгорелись, в вагоне заметно потеплело. Штребль приник к двери, глядя в узкую щель. Мимо пробежали все те же бесконечные заснеженные леса. Наконец поезд сбавил ход и вдали обозначились станционные постройки. Состав проскрежетал колесами, зашипел и встал.

С лязгом открылась дверь вагона. Веселый лейтенант Звонков громко крикнул:

– Камарады, вставай! Давай за водой!

Штребль подхватил два ведра и прыгнул вниз. Колодезь был рядом, он набрал воды с плавающими в ней кусками льда и потащил к своему вагону. Из других вагонов тоже выскакивали немцы с бачками и ведрами.

Поставив ледяную воду на печурку и не дожидаясь, пока

она согрелась, Штребль зачерпнул кружку и стал умываться, то и дело вздрагивая от холода.

– Кто у нас сегодня дежурный? – спросил он, растирая лицо полотенцем. – Уж не вы ли, Шереш? Ну, тогда нам завтрака не дожидаться!

– Хватит болтать, – огрызнулся долговязый Шереш, сползая с нар, где его дородная супруга все еще лежала под бесконечными пледами и одеялами.

Шереш нехотя помахал по полу чахлым веником и стал ополаскивать бачок для супа.

– Господа, кто желает русский завтрак? Раз, два, три, четыре, пять. Вы отказываетесь, Бернард? Нет? Восемь, девять, десять, одиннадцать... Ого, сегодня много желающих. Видно, домашние запасы подходят к концу.

Он отправился за супом. Все зашевелились, стали извлекать из чемоданов остатки захваченной из дома еды: колбасу, шпиг, консервы, сухари. Менее запасливые с завистью поглядывали на тех, кто набрал в дорогу полные чемоданы продуктов.

Бер тоже достал из мешка кольцо копченой колбасы, черствой и промерзшей. Нарезал ее карманным ножом, положил на большой ломоть русского черного хлеба и, покосившись на соседей, принялся есть.

– Рудольф, идите, съешьте кусочек! – расправившись с огромным бутербродом, крикнул он Штреблю, стоявшему внизу, у двери. – Хватит вам мерзнуть!

Добряк Бер знал, что Штребль ничего не сумел прихватить с собой из дома, кроме мыла и табака, и поэтому считал своим долгом постоянно его подкармливать.

– Спасибо, – отозвался тот. – Я дождусь русского завтрака.

Шереш вернулся с бачком супа и мешком хлеба.

– Замерз как собака! – проворчал он, забираясь на нары поближе к жене. – Сегодня что-то особенно холодно. Вот она, настоящая русская зима!

Штребль налил себе суп и взял кусок черного хлеба. Суп, сваренный из крупы и картофеля, был вполне съедобен, в нем даже плавали волокна мяса.

– Дрянь какая! – брезгливо морщась и отодвигая миску, заявил отставной обер-лейтенант Отто Бернад. – Штребль, может быть, вы желаете мою порцию? Все равно я выплесну ее.

– Можете выплеснуть ее себе на голову, – ответил Штребль презрительно. Он все еще не наелся, сидел на ящике и жевал хлеб. – Скоро и вашему обер-лейтенантскому брюху придется научиться переваривать русский суп.

Паровоз свистнул, и состав тронулся. Штребль пошуровал в печке и полез на нары.

Против него на верхних нарах сидел, сгорбившись, высокий красивый немец Ландхарт. Он вот так часами сидел неподвижно, ни с кем не разговаривая, не отвечая на вопросы соседей. Штребль знал, что Ландхарт – зять богатого рещицкого фабриканта, и видел, как его провожала жена, кра-

савица-румынка, с прелестной девочкой на руках. Ландхарт рыдал, прижимая к себе ребенка. Теперь Штребль не мог спокойно смотреть на сгорбленную, почти жалкую фигуру Ландхарта. Он предложил ему папиросу.

– Спасибо, не хочу, – отрывисто сказал Ландхарт.

– Что с вами? Вы, может быть, больны?

– Нет, я не болен, – ответил Ландхарт и, понизив голос до шепота, прибавил: – Меня грязь замучила, у меня нет больше чистого белья. – Ландхарт страдал, потому что был очень брезглив. Рядом с ним спал сапожник Шпайбауер, флегматичный белобрысый увалень, который не брился и не мылся уже много дней. Ландхарт все время жался к стенке, боясь случайно коснуться потного тела Шпайбауера. Его собственное белье все еще хранило запах одеколona и богатого семейного уюта. – И потом, меня кто-то кусает... Ой!

Он схватился за шею и вытащил из-за ворота какое-то насекомое.

– Что это такое? – спросил он с ужасом.

– Разрешите мне посмотреть, – вылез со своего места Бер. Водрузив на нос пенсне, он аккуратно двумя пальцами взял насекомое и положил на ладонь. – Как бывший учитель зоологии могу вам сказать: это *Pediculus humanus corporis*, то есть вошь бельевая. Известна с древнейших времен, является переносчиком сыпного тифа. В прошлую войну на одном пленном было насчитано три тысячи восемьсот таких вот вшей...

– Хватит вам! – оборвал его Штребль, хорошо знакомый с этой напастью еще по румынской армии. – Бросьте ее в печку, что вы на нее любуетесь? Советую всем осмотреть свое белье, а то мы их здесь столько расплодим, что они нас съедят.

– Это точно, – подтвердил коренастый крепыш Раннер, – в наших казармах их хватало. Мы их даже не били, над огнем развесим...

– Ужас какой! – содрогнулась фрау Шереш. – Неужели в румынской армии было хуже, чем в этом вагоне, в котором раньше, наверное, перевозили коров?

– А вы думаете, лучше? – отозвался Раннер. – Здесь по крайней мере в зубы никто не стучит, а там я по милости румынского капрала пять зубов потерял и заработал язву желудка.

Ландхарт все еще брезгливо тер шею. Теперь его страдания увеличились – ему казалось, что его все время кто-то кусает, и так как чесаться при женщинах он стеснялся, то мучился ужасно.

Штребля тоже смущало то обстоятельство, что в вагоне находилось несколько женщин, не пожелавших расставаться со своими мужьями, и раздеться было неудобно. Он был большим поклонником женского пола, но теперь их присутствие в вагоне ему уже не нравилось. Вообще, после того как Штребля пришлось пробыть около двух месяцев в тесном соседстве с женщинами, симпатии его к ним заметно поуба-

вились. Прямо под ним, на нижних нарах, помещались супруги Раннер. Они ругались между собой целый день.

– Чтоб ты издохла, проклятая! – чуть что шипел Раннер. – Я вытащил тебя из публичного дома, а ты помыкаешь мной, как последним идиотом!

– Бешеный козел! Лучше бы я осталась в публичном доме, чем ехать по твоей милости черт знает куда! – визжала рыжеволосая Магда.

Их бесконечные перебранки в другое время были бы невыносимы, но сейчас, когда обитатели вагона изнывали от скуки, они служили даже некоторым развлечением. Только добродушный Бер качал головой:

– Неужели в таком горе, которое нас всех постигло, нельзя обойтись без ссор? Бог знает, может быть, мы все стоим на краю могилы.

«Хорошо, что я в прошлом году не женился», – уже не в первый раз подумал Штребль.

Чтобы хоть чем-то занять время, каждый пытался найти себе какое-нибудь занятие. Отставной обер-лейтенант Отто Берnard выменивал все подряд на румынские серебряные леи.

– Серебро есть серебро, – бормотал он. – Его будут ценить и в России.

Женщины без конца распускали старые шерстяные вещи и вязали из них новые, обмениваясь между собой цветными нитками. Художник Чундерлинк с густой пепельной бородой

гадал дамам на картах. Он безбожно врал, но женщин это не смущало. В перерывах между гаданиями он что-нибудь продавал, менял, но неизменно уклонялся от дежурства, которое было установлено для всех обитателей вагона, за исключением женщин, и которое становилось для него тоже предметом торга.

– Готов дать двести-триста граммов колбасы тому, кто за меня подежурит, – обычно объявлял он.

Перед обедом дверь опять открыли. Поезд стоял на большой товарной станции. В дверь хлынул поток морозного воздуха, и все забились на нары.

В вагон поднялись начальник эшелона старший лейтенант Хромов и замполит Лаптев.

Хромова, высокого, плечистого, хмурого человека с отличной военной выправкой, немцы побаивались. Рядом с ним маленький застенчивый Лаптев, несмотря на военную форму, вид имел почти штатский.

– Здравствуйте, – отрывисто бросил Хромов. – Больных нет? Проветривать надо вагон-то, проветривать!

Лаптев перевел.

– Больных нет, – ответил за всех Штребль. – Но просим господина лейтенанта отправить нас в баню: у нас появились насекомые.

Лаптев опять перевел. Хромов нахмурился.

– Прибудем на место, пройдут санобработку. А пока пусть сидят и не рыпаются. Ауфидерзеен!

Офицеры вышли, а лейтенант Звонов, задвигая дверь вагона, весело сказал:

– Цвей-дрей день проедем – и на месте. В баньку со своими фрауми пойдете. И будет гут. Давай, камарад, обед получать!

К всеобщей радости, путь подходил к концу, но неизвестность все равно всех страшила. Особенно пугали немцев холода, так как на родине они не знали ни мороза, ни глубоких снегов. По взволнованному шепоту, который пробежал по вагону этой ночью, было ясно, что многие с тревогой ждут прибытия на место. Слышались приглушенные рыдания и скорбные вздохи.

Штребль всю ночь проспал – он был молод и здоров и никакой работы не боялся.

2

Прииск Нижний Чис лежал в самом сердце Урала, на границе Европы и Азии. Полноводная, быстрая река Чис была теперь закована толстой броней льда. Три крупные паровые драги чернели на льду между отвалами, занесенными снегом. Поселок раскинулся на высоком берегу, позади него громоздились горы и шумел еловый бор.

Лаптев приехал на Нижний Чис поздно вечером, на сутки раньше своего эшелона. С площадки первого вагона он смотрел на выплывающий из тумана поселок, на мелькающие кое-где огоньки.

Стоял лютый мороз. Это было 24 февраля 1945 года.

В помещении приискового управления уже был погашен свет. Только окно во втором этаже еще светилось. Сторож проводил Лаптева к двери, на которой висела табличка «Лесная контора».

В комнате за большим письменным столом сидела темноволосая полная женщина, закутанная в белую шерстяную шаль.

– Здравствуйте, – сказал Лаптев.

Женщина поднялась, сбросив шаль на спинку стула. На ней была простая мужская гимнастерка, тесная в груди и в воротах.

– Здравствуйте! Начальник лесного отдела Путятин Та-

тьяна Герасимовна, – представилась она. Высокий голос как-то не соответствовал ее комплекции. – С чем вы, товарищ?

Лаптев назвал себя. Татьяна Герасимовна широко улыбнулась.

– Ждем мы вас, ждем, как пироги из печи, – и сразу перешла на «ты»: – Ну, садись, рассказывай.

Они беседовали долго. Татьяна Герасимовна внимательно слушала, подперев щеку кулаком совсем по-бабьи.

– Много ль везете немцев-то? – спросила она.

– Около четырехсот мужчин и сотни полторы женщин.

Татьяна Герасимовна широко раскрыла глаза:

– Женщин? Разве их тоже в плен брали?

– Нет, конечно, – улыбнулся Лаптев. – Вы, очевидно, думаете, что мы везем военнопленных, а это – интернированные, немцы из Западной Румынии. Есть такая провинция Банат. Хорошие места. Немцев там много живет, венгров, чехов. Сейчас большинство немцев в возрасте от пятнадцати до пятидесяти интернированы в Россию.

– Что ж, навечно? – испуганно спросила Татьяна Герасимовна.

– Зачем же навечно? Пока в этом будет нужда. Пусть поработают на нас немного.

– Да, работники нам нужны, – кивнула Татьяна Герасимовна. – Драги третий день простаивают без дров. Детсад, больница – нигде дров ни полена. От заносов ни трактор, ни машина в лес не проходят. Рубить и подавно некому: одни

бабы да ребятишки.

– Значит, мы вовремя успели? – снова улыбнулся Лаптев.

Татьяна Герасимовна собрала со стола бумаги, заперла стол и накинула шаль.

– Где остановился-то, товарищ Лаптев?

– Хотел в приезжей, – ответил Лаптев и смущенно добавил: – Да говорят, там холод собачий...

– Поедем со мной, я тебя на хорошую квартиру поставлю. Там не замерзнешь.

Домик Василия Петровича Черепанова стоял на самом краю поселка. За огородом сразу начинался лес. Татьяна Герасимовна вылезла из саней и постучала в ворота. Отворил сам Василий Петрович.

– Кого бог дает? – спросил он, взглядываясь в Лаптева.

– Принимай гостей, – отвечала Татьяна Герасимовна и пропустила вперед совсем замерзшего Лаптева.

Когда Лаптев вошел в жарко натопленную избу, из-за стола, быстро сложив книги, поднялась девушка и удивленно посмотрела на него.

– Ну, знакомьтесь, – сказала Татьяна Герасимовна. – Это, товарищ Лаптев, моя помощница – прораб чисовского участка Тамара Черепанова. Томка, ты уж позаботься о госте: он нам работников привез.

– Проходите, – тихо сказала девушка.

Лаптев не без удивления разглядывал ее. Прораб был

очень хорошенькой девушкой лет семнадцати-восемнадцати на вид, сероглазой, с темными бровями и ресницами. Из-под белой косынки на голове выбивались светло-русые волнистые прядки.

Старик Черепанов достал для Лаптева теплые валенки с печи. Бабка поставила самовар. Татьяна Герасимовна посидела немного и стала собираться домой.

– Завтра заеду за тобой, – объявила она Лаптеву. – Поедем бараки для немцев твоих смотреть.

Он сидел на широкой лавке у печи и грелся. Тамара стала накрывать на стол.

– Садитесь, чем бог послал... – пригласил старик Черепанов. – Не тем раньше угощали. Такое сейчас время...

Лаптев с удовольствием поел картошки, но от соленых груздей и капусты отказался:

– Спасибо... лучше не надо. У меня половина желудка вырезана.

Черепанов сочувственно покачал головой и велел бабке достать молока. Лаптев поужинал, и Тамара собрала посуду. Потом она постелила ему за перегородкой.

– Ложитесь, – она застенчиво улыбнулась. – Завтра Татьяна Герасимовна вас чуть свет подымет.

Лаптев разделся и лег, наслаждаясь теплом. Несмотря на усталость, он долго не мог заснуть. За перегородкой Тамара все еще не гасила свет и сидела с книжкой до тех пор, пока отец не прикрикнул:

– Томка, бросай к лешему свои книжки! Завтра тебя не добудишься!

Девушка погасила свет и легла. Вскоре послышалось ее ровное дыхание. Лаптев все еще не спал. «Далеко же меня занесло... – думал он, глядя в темноту. – То через всю Европу, теперь через всю Россию почти. Вот попал в чужую семью, а приняли как своего. Девушка такая милая...»

На крутом берегу Сухого Лога виднелись два бревенчатых двухэтажных корпуса бывшего лесотехникума. Лесотехникум еще до войны перевели в область, в первый год войны здесь размещался эвакогоспиталь. После его расформировали, и техникум снова пустовал. Сейчас его приготовили к приезду интернированных немцев. Выстроили баню с прачечной, старый сарай отремонтировали, сделали столовую и кухню, пристроили помещение для госпиталя и красного уголка. Территорию лагеря обнесли высоким глухим забором с четырьмя вышками по углам.

Лаптев и Татьяна Герасимовна вошли в лагерь через проходную будку, пахнущую свежим сосновым тесом. На широком дворе росло несколько зеленых разлапистых елок. Везде еще валялись обрезки досок и стружки – следы работы плотников, но из двух труб первого корпуса уже вился дымок.

– Затопили, – сказала Татьяна Герасимовна. – Я велела все печи разогреть для твоих немцев, последних дров не пожалела.

– За нами не пропадет! – весело ответил Лаптев.

Эшелон прибыл вечером двадцать пятого февраля. Холодный туман окутывал прииск. Несмотря на мороз, у станции собралась толпа народа, чтобы посмотреть на немцев. Прибыло и все приисковое начальство в длинных меховых шубах. Лаптев, не успевший еще обзавестись полушубком и валенками, мерз в своей тонкой шинели и сапогах с галошами. Татьяна Герасимовна, заметив, что Лаптев совсем застыл, прогнала его греться в станционное помещение.

Пыхтя, подошел длинный состав. Из первого вагона вышли старший лейтенант Хромов, лейтенант Петухов, младшие лейтенанты Звонов и Мингалеев.

– Здорово, замполит! – Хромов крепко пожал Лаптеву руку. – Ну и мороз, я тебе скажу! Сейчас бы выпить с дороги! – и пошел знакомиться с приисковым начальством.

– Открывайте вагоны! – распорядился Лаптев.

Переводчик, юркий немец Альтман, крикнул по-немецки:

– Приготовиться к высадке!

С лязгом одна за другой начали открываться двери вагонов, и немцы спрыгивали на платформу.

– Говорили, немцев пригонят, а это бабы, – разочарованно сказал кто-то в толпе.

– Юбки-то на них какие длиннющие! А народ мордастый!

– Глянь, фриц какой толстый! Небось, капиталист!

Последнее замечание относилось к Беру, который кряхтел под тяжестью двух чемоданов.

Штребль стоял, перекинув свой рюкзак через плечо. Мо-

лодой русский лейтенант подтолкнул его в спину:

– Живей, камарад, стройся в колонну! Багаж клади на сани, не робей.

Василий Петрович Черепанов, которого отрядили с подводой на подвозку немецкого багажа, проворчал, поглядывая на объемистые чемоданы:

– Ишь багажу-то набрали сколько, анафемы! На семи подводах не увезешь.

Немцы ежились от холода, переминались с ноги на ногу.

– У тебя уже нос побелел, Раннер, – заметил Штребль.
– Что там в последних вагонах канителятся? Так можно совсем замерзнуть.

Наконец колонна тронулась, сопровождаемая мальчишками и собаками. Из дворов выходили местные жители поглазеть на немцев.

Веселый лейтенант Звонов, шагая впереди, шутил:

– По улицам слонов водили... Разрешите, граждане, дорогу освободить! Интересного ничего нет: обыкновенные немцы, пяточок пучок. Камарад, шагай побыстрее, прячь сопли, не срамись перед русскими женщинами!

Когда за последним немцем закрылись ворота, заскрежегали засовы, охрана заняла свои места. Лагерь осветился огнями, ожил.

Первую ночь Штребль проспал в коридоре на полу рядом с Бером, под его теплым шерстяным одеялом. В комнаты никого не впускали до тех пор, пока не пройдет санобработка.

Но и здесь Штребель уснул так крепко, что проснулся только по пронзительному визгу электрического звонка.

– Подъем! Построиться!

– Ауфштеен! Антретен!

В длинном коридоре, толкая друг друга, начали строиться люди. Взволнованный, бегал переводчик Альтман со списками, испещренными столбцами фамилий. Коридор гудел, кое-кто из женщин плакал. Вошли Хромов, Лаптев и остальные офицеры. Шум стих. Хромов обратился к дежурному по лагерю младшему лейтенанту Петухову:

– Баб сразу во второй корпус. Пускай забирают вещи.

– Ди вайбер коммен ин ден цвайте корпус! Пакт ди захен!

Шнелль! – громко перевел Альтман.

Женщины засуетились, некоторые заплакали снова, прощаясь с мужьями и родственниками. Хромов поморщился:

– Альтман, шевели их! Пусть не ревут – не на век расстаются.

Когда женщины покинули первый корпус, началась переключка. Альтман объяснил, что каждый, когда будет названа его фамилия, должен отвечать по-русски «здесь». Кроме того, каждому будет присвоен порядковый номер, который он обязан запомнить и на него откликаться.

– Первый номер – Альтман Иоганн! – вызвал Хромов.

– Здесь, – быстро ответил переводчик.

– Номер второй – Гофман Леопольд!

– Презент! – пробасил немец, но тут же поправился: –

Здесь!

– Номер третий – Юрман Иоганн!

– Хир!

– Никаких «хиров»! – оборвал Хромов. – Отвечать всем

«здесь».

Процедура переключки явно затянулась. Хромов передал список Лаптеву.

– На, покричи. У меня от этих дурацких фамилий язык уже стал заплетаться. Все какие-то Рихеры, Михеры, черт их подери! Первые сто номеров, марш в баню!

Командование первой ротой принял лейтенант Петухов. Раненный осколком в глаз, он носил черную повязку, закрывавшую пустую глазницу. Немцы сразу же дали ему кличку Одноглазый Лейтенант. В состав первой роты вошло около двухсот человек. Здесь и оказался Штребель со своим приятелем Бером.

Вторую роту, которая досталась младшему лейтенанту Звонову, составляли почти исключительно немцы-крестьяне, многие из которых попали сюда целыми семьями. Все они были одеты в домотканую поношенную одежду: холщовые штаны в обтяжку с кармашками на бедрах, такие же жилетки поверх бурых от грязи рубах. На некоторых были безрукавные куртки из овчины, мехом книзу, довольно красиво расшитые цветными узорами. На головах – черные островерхие бараньи шапки или самодельные картузики, отороченные мехом. На ногах – сандалии из воловьей кожи, заты-

гивающиеся ремешками и напоминающие русские чуни. Все мужчины были грязны и давно не бриты. Одежда их пахла потом и плохим мылом домашней варки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.